

Мир Сергея Параджанова

Силой своего таланта и воображения Параджанов создал, сочинил и наделил странный, чувственный, необыкновенно красивый и добрый мир, который противопоставил на-

шему — недоброму, лицемерному и жестокому. И не чудо ли, что при этом ни слова об испытаниях, выпавших на его долю, ни тени справедливого гнева к своим преследователям, ни тени озлобленности не проникло в его светлое искусство.

Все знают Параджанова как постановщика общепризнанных шедевров киноискусства «Тени забытых предков», «Цвет граната», «Легенда о Сурамской крепости», «Ашик-Кериб», снятых в Киеве, Ереване, Тбилиси и собравших множество международных премий. Но Параджанов не только режиссер кино. Он его создатель.

Кинематограф Параджанова — самостоятельное, отдельное искусство, как искусство Феллини, Бергмана, Тарковского...

Неизменно оставаясь собой, Параджановым, он обладал магнитным полем, с неопостижимой быстротой вбирал в себя лучшие духовные и художественные традиции народа. Не потому ли среди шестидесятиков Украины автор «Теней забытых предков» смог сразу же занять лидирующее место, оказавшись во главе кинематографического движения, получившего название «живописно-поэтической школы». По существу школа эта противопоставила свои изысканные художественно-эстетические задачи безраздельно царствовавшей в те годы догме топорного и бесцветного кинематографа.

Своим творчеством Параджанов сумел повторить и преумножить феномен легендарного Саят-Новы, слагавшего свои песни на трех языках — грузинском, армянском и тюркском. Его «Цвет граната» вобрал в себя неповторимый колорит Армении, изысканную пластику ее миниатюр, пестроцветные ковров, строгую графику средневековых церквей, мелодичку надрыванных песен.

В Тбилиси Параджанов экранизировал древнее грузинское предание, повествующее о стойкости народного духа, о любви и верности, о предательстве и возмездии за него — легенду о Сурамской крепости, а в 1988 году снял романтический восточный лубок по сказке Лермонтова «Ашик-Кериб».

Уникальное искусство Параджанова, горячо любимого и проникновенно чувствующего родную армянскую культуру, было во многом воодушевлено и тбилисским городским фольклором, неповторимой самобытностью города, в котором он родился, провел детство и творил последнее десятилетие, после возвращения из ссылки. Остался незавершенным фильм «Исповедь», в котором он остроумно, ярко и ностальгически грустно рассказывал о своем детстве в Тбилиси, о родителях, друзьях, соседях по улице...

Параджанова знают как автора киношедевров. Но феномен параджановского таланта в его равновеликой многосторонности.

Почти на 15 лет отлученный от кино, в ссылке, в тюрьме (семь лет уже на свободе он не мог получить работу), Параджанов не переставал вынашивать, совершенствовать, воспроизводить свой удивительный мир добра и красоты. Рисовал, создавал коллажи, писал новеллы и сценарии к фильмам, которые надеялся поставить. Ждал еще своего открытия и признания около двадцати его сценариев, достойных занять значительное место в истории кинодрамы.

Читаешь их сегодня и дышишь. Где же тут крамола? Отчего так гневались чиновники? Чего так боялись? Непривычной яркости таланта, режущего их равнодушный, вялый глаз, или воодушевляющей силы подлинного искусства?

Выставки рисунков, живописи и коллажей Параджанова, состоявшиеся в 1987—1989 годах в Тбилиси, Ереване, Мюнхене и Париже, были подлинным потрясением. Но и тут еще предстоит открыть его как великого художника современности, разгадать его удивительный метод коллажирования, когда из эклектичных предметных осколков складается мир цельный и органичный, возвышающийся до уровня художественных открытий и философских обобщений. Сегодня мы публикуем несколько новелл, эскизов и коллажей из богатого творческого наследия мастера.

Фото Ю. Мечитова.

Лошади

Степь. Поле. Жаркий день. Лошади. Много лошадей.

Одна щиплет траву, другая устала жевать и плавно перекачивается с бока на бок, третья лениво наблюдает за ней. Покой, тишина.

Лошадь вздернула морду и напряженно уставилась куда-то в сторону. За ней другая, третья...

Лошадь вскопала с места. Ноздри! Расширенные ноздри!

И опять все та же тишина, только отдаленно слышится стук колес.

Вдруг — резкий стук копыт о дерево и ржанье жеребца. Звук быстро нарастает и переходит в эхо, множится...

Мимо заставших как изваяние лошадей, мерно постукивая колесами, пронесется состав, везущий жеребцов.

Состав начинает исчезать за поворотом, и тогда с места срываются лошади и бросаются ему вдогонку.

Перрон... Пассажиры на перроне... Мимо них мелькают вагоны со ржущими, неистовствующими жеребцами.

На перрон взлетают взмыленные лошади...

Не касаясь людей, они проносятся между ними.

Перрон резко обрывается.

У края его, как вкопанные, остановились лошади.

А состав все уносил вдалеке вагоны со ржущими жеребцами.

1968 г.

Лебединое озеро — зона

Такого тумана над донецкой степью вожак лебединого клина еще не помнил. Туман стоял плотный, как снег. Не было ни земли, ни неба. Последние отблески закатного неба гасли, и не было ни земли,

ни звезд, ни каких-либо звуков, кроме тревожных трубных кликов стаи. Только эти трубные клики и свист крыльев наполняли белую, непроглядную бездну тумана.

Клин рассылался...

И тогда далеко внизу смутно обозначилось пятно света — крошечное, как светлое лесное озеро, отразившее последний отблеск небес.

Лебеди, окончательно сломав строй, разворачивались на спасительное озеро...

Озеро разрасталось, сияло среди слепящей мглы тумана. Из бесформенного сияющего в тумане пятна оно приобрело очертания прямоугольника, как ожерельем, охватившего цепочкой сияющих огней...

Усталая, измученная стая лебедей ликующе трубила спасение.

Лебеди заходили на посадку, рассыпавшись поодиночке...

Барак в зоне строгого режима просыпался и слушал серебряный трубный голос ночных небес.

И вот уже первый обитатель барака, как был — в исподнем, бросился наружу мимо часового со словами:

— В сортир...

Такого тумана Человек не видел никогда в жизни. Это был просто белый снег. Нельзя было пройти через него. Как будто Человек был закопан в снег. Человек ощущал холодное прикосновение тумана к лицу и груди.

Над его головой кричали лебеди.

Но были только их голоса, птиц еще не было видно...

Из барака один за другим выскальзывали заключенные, все в белых исподних рубашках и белых кальсонах.

И все, проходя мимо часового, бросали:

— В сортир.

— До ветра.

— В галюн.

— В туалет.

Но никто из них не думал ид-

ти в сортир, все смотрели в закрытое туманом небо, откуда падали тревожные серебряные звуки...

На вышках врубил прожектор, туман от этого не стал прозрачнее, только налился молочной белизны. В донецкой степи, в тумане, был высвечен квадратный километр жилой зоны лагеря строгого режима...

Лебеди с криками всполошенно кружили над горящим квадратом, пытались увидеть холодный блеск воды.

Туман поднимался, дымилась зона, и от дерева к дереву, мокрому, впитавшему в себя ледяную влагу тумана, от дерева к дереву, налитому весенними хмельными соками, перебежали, скользили люди в белом — белых кальсонах и белых рубашках, босые... перебежали призраки заключенных.

Два тысячи человек из четырех барак с надеждой смотрели в слепое от тумана небо... О чем мечтали они? Поймать лебедя? Увидеть эту красоту у себя в бараке? Обладать ею? Прятать ее от ментов под кроватью, эту прекрасную, свободную птицу?

Птицы с криком опускались и опускались... Они, видно, гибли в этом тумане и, уже не понимая, что это не озеро, искали любую возможность опуститься на землю, передохнуть за этот тяжкий перелет...

Люди не отрывались от мокрых стволов, только переходили от дерева к дереву, облепляя его, и казалось в этом тумане, что кто-то выбежал их густо, внахлест, известно.

И деревья стоят в этом живом жабо извести.

Потом дерево вдруг обнажало черный мокрый ствол — это зыки перебежали к другому дереву, над которым метнулась огромная, искаженная туманом и прожекторами с вышек тень птицы.

Птицы пошли на посадку... Пронесли в тумане распах-

нутые крылья... Тени в тумане, как на несбыточном экране, в каком-то несбыточном сне, становились все явственней и реальней.

И вот уже первая птица, просияв белоснежной грудью, прошла на бреющем полете над самой землей.

С вышек открыли огонь...

Выстрелы разорвали тишину тогда, когда птицы уже не кричали — они шли на посадку вслед за своим вожаком, выбросив вперед розовые перепончатые лапы.

Когда заглохли в тумане, умерли последние звуки выстрелов, в ватной тягучей тишине все две тысячи привидений услышали зов вожака, гортанный, отчаянно резкий.

Стая одновременно грянула сотней крыл и, тяжело набирая высоту и скорость, стала уходить ввысь за своим вожаком.

Люди отрывались от стволов и, уже не таясь, выходили на площадь в ярко освещенный прожекторами круг. Запрокинув лица, глядели в небо, туман струился по лицам ледяными струйками.

С вышек снова полоснули в воздух короткие предупредительные очереди.

И тогда в тишине все — и зыки, и часовые на вышках, и контролеры — услышали, как возник в поднебесье и нарастал, приближаясь, еле уловимый свист падающего тела. Почти поглощенный туманом, свист оборвался глухим ударом, где-то совсем рядом, за колючей проволокой, за оградой, на свободе, в степи.

Одна из устных новелл о жизни заключенных в лагере строгого режима, основанная, по утверждению автора, на реальных происшествиях и фактах, свидетелем которых он был. Спустил почти двадцать лет режиссер Юрий Ильенко собрал и записал эти новеллы в сценарий и дал ему название

«Лебединое озеро — зона».

Фильм по этому сценарию поставлен Юрием Ильенко на Киевской студии в 1989 году, в 1990 году на кинофестивале в Канне он был удостоен приза международной федерации кинопрессы — ФИПРЕССИ.

ДВЕ НОВЕЛЛЫ О ЛЮБВИ

Ода волосам, или Пробуждение

Боттичелли! Лукас Кранах! Доменико Венециано!

Волосы на ветру... Золото на рапиде... Они влюбляют меня, и я тоскую о них...

Потом волосы на моей подушке. Они бесшумно утекают, как песок. Они запутываются и сами на рапиде распутываются... Их много, и все они мои. Потом они предательски медленно скользят и уползают от меня навсегда.

...Спустила десять лет во сне я нащупал волос во рту. Я встаю. Иду на голой стенке гвоздь. Я спасаю волос. Я так боюсь его потерять! Наматываю... Наматываю... Сплю...

...Утро, голая стена. Торчит заржавленный гвоздь... Голый...

«Аве Мария»

Я привез ее за три тысячи километров отсюда. По утрам она расчесывала свои золотые волосы, а я, разбуженный и сонный, еле различал ее контур в первых лучах солнца.

Вычесанный слиток золота небрежно наматывался на палец, снимался с пальца и летел в колодец моего трехэтажного дома. Жильцы провожали его взглядом. Слиток медленно опускался на ладонь дворничихи — айсорки в пестром атласном наряде. Айсорка льстила мне — волосы можно сдать в «Торгсин». И мне тогда так казалось.

Потом она садилась за рояль, небрежно сняв с пальца золотой обруч, в котором был символ моей верности и мои долги, и пела «Аве Мария».

Мама открывала окна, подымала крышку рояля, и... в крышке его вспыхивало золотое дно.

На черной поверхности рояля лежало желтое счастье... Я жмурился от солнца. Мама гладила. Фальшивила «Аве Мария».

Однажды мама услышала, как в звуках рояля прозвучал удар металла о металл. С тех пор по утрам больше не пела «Аве Мария».

Пропало кольцо. Мама считала, что это к несчастью. Она по ночам со свечкой подходила к желтому колодцу рояля и долго всматривалась в натянутые струны в надежде увидеть золотой обруч.

Потом свершилось несчастье.

Я снова один... Да!

Мама продает рояль. С криками и руганью пришли курды-носильщики, отвинтили ножки и поставили рояль на бск. Мама снова услышала удар металла о металл.

Лама возвращает задаток... Ночью она снова подходит к золотому дну и долго всматривается в натянутые струны в надежде найти причину моего несчастья.

Р. С. Новеллы «Ода волосам», «Аве Мария», написанные в 1969 году, впоследствии были слегка переработаны и вошли в сценарий Параджанова «Исповедь». В конце 1989 года он приступил к съемкам своего автобиографического фильма на армянской студии. Но тяжелая болезнь и последовавшая за ней смерть 21 июля 1990 года оборвали его работу. Фильм остался незавершенным.

Публикация КОРЫ ЦЕРЕТЕЛИ. г. Тбилиси.

